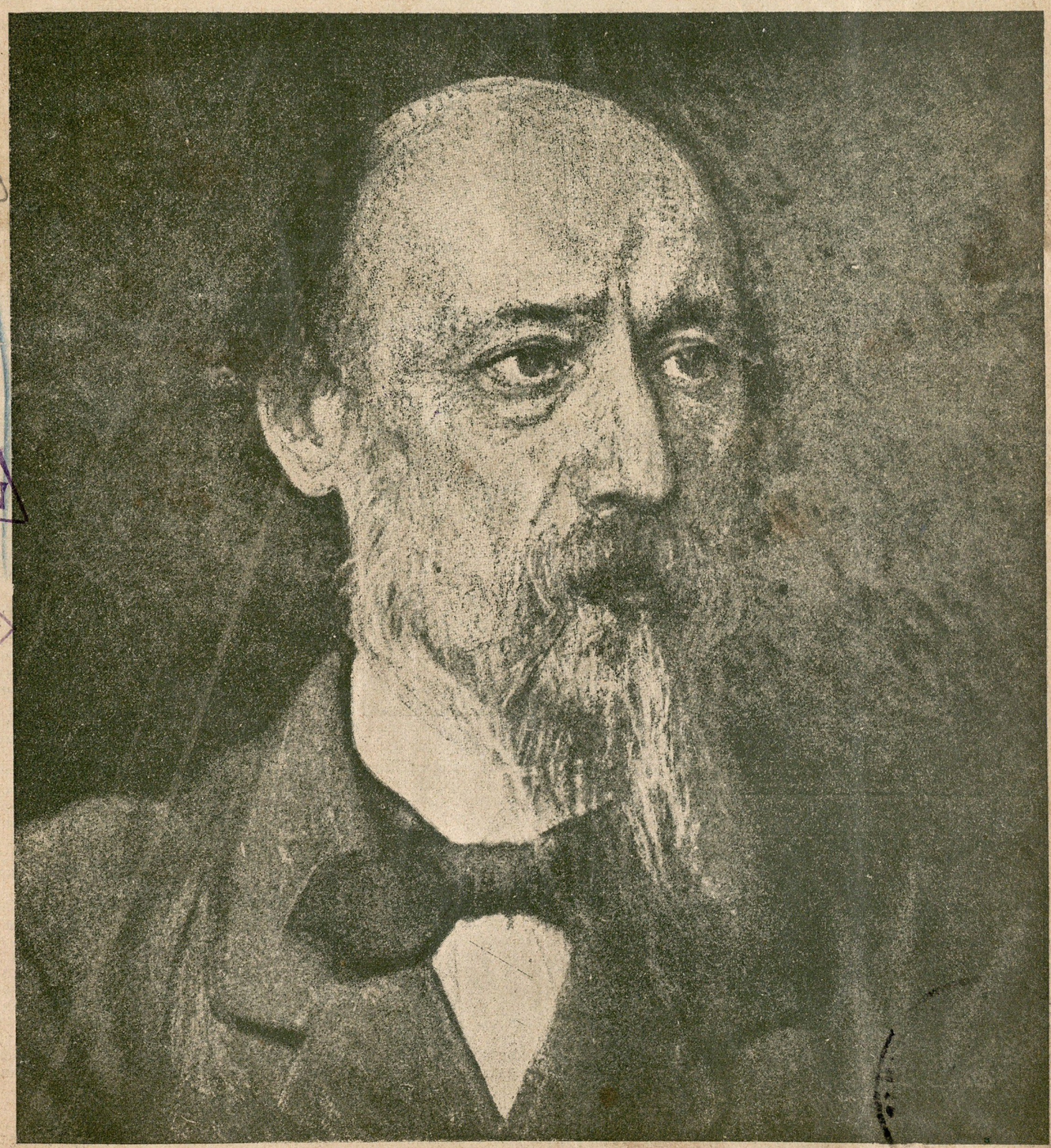
ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

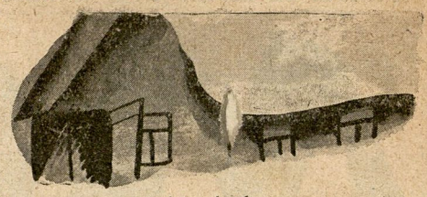
МОЛОТ

ЖУРНАЛ ТАПП. ■ ■ ■ Январь 1928 г. № 1 (14).

Поэт-гражданин Н. А. Некрасов.

Супруги Сибирцевы

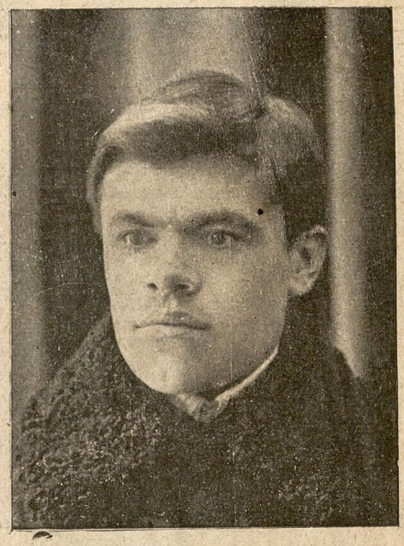
Рассказ М. Кольчугина

... Марфа Никитишна открыла глаза. По комнате разливалась утренняя синь. «Пора вставать, топить печку», подумала она, отодвинулась с края постели на средину, ближе к мужу. И тут-же ей словно что кольнуло в грудь: ей показалось, что на кровати она одна. Не поверив себе, она быстро откинула руку к стене, желая ощупать знакомую голову с короткими, жесткими волосами. Рука упала на простывшую подушку. Алексея не было. «Куда же он делся в такую рань?» И она тут же откинула руку в другую сторону, где обыкновенно висела шуба Алексея. Но и тут было пусто. Рука ударилась о ложу «централки», висевшей на гвозде, дулом к потолку.

Отсутствие Алексея озадачило Марфу Никитишну. Она закинула за голову сцепившиеся в кистях руки и, задумавшись, стала давить ими виски, точно хотела выжать догадку: — куда же делся муж?

Желая найти повод к его уходу, она перебирала в памяти разные моменты вчерашнего дня. Ничего особенного не было. Она не поверила себе и снова стала копошиться в памяти. Память не изменяла ей. Вчера Алексею посчастливилось убить лисицу, — четвертую по этой зиме. И вечером он был спокоен, подсчитывая, сколько еще нужно загубить звериных жизней, чтобы вышла шуба Марфе Никитишне. Нехватало только трех — на рукава. Деньги у Сибирцевых тоже были. Марфа Никитишна на память пересчитала деньги, находящиеся в жестяной чайнице. Там были три трояка, полтинник и восемнадцать копеек мелочи. Это — до новой получки. На валенки Алексей собирался продать дуб галкинским бондарям. Вспоминая это, Марфа Никитишна вспыхнула злобой к Алексею. Все сторожа крадут лес, а ее муж все только обещает, а дела не делает.

Она вспомнила многочисленные сцены скандалов с мужем из-за денег, потом вспомнила, как она жила до выхода замуж за него. Город. Прокатный завод, где ее отец служил помощником директора. Гимназия, где она училась. Все это каруселью закружилось в ее воображении и попуталось. Она встала с постели, оделась, вытащила из печурки подшитые валенки, сунула в них ноги и, подойдя к окну, отдернула размытую миткалевую штору. В окно хлынул дневной свет. В комнате запахло зимой, лесом и одиночеством. Остановившись взглядом на поляне, покрывшейся новым слоем снега, выпавшего в прошлую ночь, Марфа Никитишна горько заплакала. Плакала она, уставившись глазами в опушку деревьев, ломившихся под густыми куделями снега. Хотя она и ничего не думала теперь, все ее существо было пропитано одним. В этой безлюдной глуши, в этом разбойном взгляде окутанного снегом леса, Марфа Никитишна видела большую, ни с чем не сравнимую тоску. Эта неизмеримая тоска за какие-нибудь два-три года жизни в лесу осунула ее наливные щеки и влила на дно ее светлых глаз отстоявшуюся муть. Она стояла, точно помешанная, уставившись в одну точку. Ей казалось, что Алексей любит на стороне другую и что она задвинута жизнью в этот лесной домик, как разбитый заброшенный вагон в тупик, и что муж ее относится к этому равнодушно, не думая о выезде из этих медвежьих берлог. В забытье она покачнулась к окну, но, поняв, что так можно разбить стекло и изрезать лицо — оперлась руками о косяки, чтобы отшатнуться назад. И в это время она увидала Алексея с правой стороны за окном. Он прокапывал дорожку к подвалу, громоздя по бокам огромные синеющие глыбы. На мгновение Марфу Никитишну охватила волна радости и она стукнула в окно, желая обратить на себя внимание мужа. Алексей не слышал ее и продолжал класть один за другим снежные комья. Марфа Никитишна, не отрывая глаз, смотрела на него. С минуту назад она была охвачена страхом, что муж в конце концов собрался с духом и бросил ее. Минут пять тому назад она раскаивалась, что все ее

М. Кольчугин.

Родился в бедной крестьянской семье в д. Клевцово Лихвинского уезда. Самоучка. Работал на жел. дор., на шахтах, на сахарном заводе. Сейчас — сотрудник „Коммунара".

нападки на него и неуважение к нему, были напрасны, теперь же, когда она увидела его работающим, чтобы очистить все стежки-дорожки из-за уважения к ней — весь страх ее и боязнь разрушились в ней. Она поспешно накинула шаль на плечи и вышла на крыльцо. Он услыхал, как скрипнула дверь, и оглянулся на нее.

— Что ты делаешь? — спросила Марфа Никитишна, как-будто не понимая, что нужно откапывать ход к двери подвала.

Алексей хотел сказать, чтобы она принесла ему кошелку под картошки, но в это же время быстро осел в снежную заграду и, грозя пальцем на нее, прошептал:

— Тсс... ружье, ружье скорей!..

Марфа Никитишна поняла, в чем дело, и исчезла в сенях.

Подползая к крыльцу, Алексей то и дело заглядывал через глыбы снега в лес. Там, за мохнатыми, белыми сучьями, изредка вспыхивал, как пламя, лисий хвост.

Из чуть отворенной двери высунулась ложа «централки». Алексей тихо взял ружье, приложил щеку к теплому дереву, схватил на мушку пушистого зверя и выстрелил раз за разом, из обоих стволов. В лесу словно что раскололось, затрещало и покатилось дальше. Там, где последний раз взметнулся рыжий хвост, воздух еще не успел проясниться от дыма и снежной пыли. И Алексей, не дожидаясь пока проплывет поднятый выстрелом туман — бегом побежал туда, завязая по пояс в снегу.

— Добегалась, голубушка, доворовалась, — донеслось до Марфы Никитишны.

— Убил?! — обрадовавшись, крикнула она, сделав грудью движение вперед и навалившись животом на перила крыльца.

— Вот это зверь! — довольно и восторженно заговорил Алексей, точно с самим собой. — Да. Самец! Ого! Из одного полшубы выйдет.

С красного снегового ковра поднял он лису за задние ноги и понес домой. Ноги лисы слегка дергались в его руке. Хвост, как золотая горсть льна, свесился на бок и развевался на ветру.

. . . . . .

— Да-а, еще парочку таких подсидеть, и шуба будет готова... и воротник, и опушка, и все... подсчитывал вслух Алексей. И, будто говоря сам с собой, он просил жену:

— Ты, Марфуша, поскорей с самоваром. Чтобы это раз-раз, стакан выпить и в путь. До Русановского поля на лыжах — это часа на три ходьбы.

Он говорил тихо, не глядя на жену, накладывая на руку лисьи шкуры. Он их снова пересчитал и собирался выносить в чулан. Марфа Никитишна поняла, что охотой и обходом леса муж больше интересуется, чем ею и, несмотря на то, что она всегда старалась делать вид, что не гонится за ним — все ее нутро говорило обратное: она сильно злилась, что муж оставляет ее одну.

— Не терпится ему. То на Русановское поле, то туда, то сюда — зачастила она недовольно. — В такую погоду — мучиться только. Ни следа, ни тропинки, все забито снегом.

— На лыжах самая ходьба. Посмотрю, нет ли чьего следа в лес. Знаешь, украдут — отвечать придется.

Это Алексей сказал довольно спокойно. Но Марфа Никитишна знала его и заключила, что ей его не остановить. Она решилась прибегнуть к тому, чем ей легче всего удавалось удерживать мужа. Когда Алексей вышел в чулан со шкурами, она мгновенно спрятала его шапку и сумку с патронами.

Алексей вошел в комнату, самовар уже стоял на столе. По выражению лица жены и по тому, что куда-то исчезла шапка с охотничьей сумкой, он понял все. Он давно знал, с какою целью она делала это, но открыто ей про это не говорил. Если ей сказать об этом, то она сразу примет

его слова за то, будто бы он гордится тем, что она старается удержать его при себе. Это бы ей показалось унизительным для нее. Но она знала, что муж обязательно намекнет на это, а поэтому она приготовилась ко всему. Выработала свой, не новый план: поругаться, обозвать его «растерей» и, если он скажет, что шапке с сумкой больше некуда деться, как не спрятала она, она готова была расплакаться, разругаться и пригрозить уходом от него. Натуру Алексея она изучила, как свою. Она знала, что он струсит, подумает, что она уходит взаправду. и начнет ее уговаривать и раскаиваться в своем поступке. Алексей угадал ее замыслы и захотел избегнуть того, к чему она вела его.

— Да и правда, пожалуй, сегодня не поеду в обход, сказал он, стараясь скрыть от нее причину своей перемены.

— Что же ты, собрался и не хочешь ехать, — упрекнула Марфа Никитишна,— явно недовольная, что ей не пришлось унизить перед собой мужа.

— Раздумал,—тем же тоном отозвался Алексей, — чаю попью да лягу отдохну. Дрова-то нарубленные есть?

Марфа Никитишна хотела что-то сказать, но тут же сорвалась со скамейки и вытянулась перед окном.

— Бондаря приехали!—воскликнула она.

У дома действительно стояла лошадь. Алексей глянул в окно и в усадистой фигуре с приподнятым воротником тулупа сразу узнал Нефеда. Сибирцев глянул на жену беспомощным взглядом, точно спрашивая ее, куда бы ему спрятаться от этих гостей. Та поняла его и стала подговаривать:

— Вот хорошо-то!—продашь им рублей на десять, вот мне и валенки.

Алексей хотел возразить, но встретил со стороны жены такой взгляд, что невольно проговорил:

— Будут, будут валенки. Ты только им-то ничего не говори.

Лицо Марфы Никитишны озарилось довольством.

Вошли два мужика в тулупах, с кнутами под мышками. Бороды их были в сосульках, как соломенная крыша великим постом.

— Чай да сахар, — крестясь, крякнул Нефед.—Ну и морозец бог посылает.—Он охватил широченной ладонью бороду и свисающие концы усов, чтобы отогреть ледяшки.

— Пожалуйте с нами за компанию,— улыбнулась Марфа Никитишна.

— Давно собирались проведать Алексей Петровича,—тоненько проговорил другой худощавый мужик. У этого был чрезмерно синий нос. Он потирал его сухонькой рукой,—как жительствуете тут, Алексей Петрович, в лесу? Скушновато, небось?

— Некогда скучать-то, — скупо отозвался Алексей—то в обходе по участкам, то в лесничестве. Охотой занимаюсь.

— Это все дело,—толкнул Нефед пятка о пятку, сбивая снег с лаптей.—Ваше такое дело. Весь лес под вашим надзором. Нужно его в руках держать.

— Садитесь, по стакану чаю выпейте,— предложил Алексей. Он ни на минуту не выкидывал из головы мысли, как бы отказать им в продаже дубов. В то же время взгляд жены разрушал в нем эту мысль. «Продам»,—думал он про себя,—«никто не узнает».

— Что ж, греться, так греться,—опять крякнул Нефед, — переминаясь с ноги на ногу.

— Вы снимите свои тулупы-то,—обратилась хозяйка к мужикам,—у нас тепло.

Десятилетие ЧК — ГПУ в Туле.

Тов. Кабаков приветствует работников ЧК — ГПУ.

Мужики поняли, что медлить нельзя, что надо переходить к делу.

— Ступай-ка, сходи, Трофим,—толкнул Нефед локтем худощавого и обратился к Алексею:

— Вы дозволите у вас горло погреть с морозцу?

Алексей беспомощно пожал плечами. Новый взгляд жены заставил его успокоиться.

Трофим вернулся с небольшим узелком под мышкой, держа одну руку в кармане.

— Куда?—спросил он тихо Нефеда.

— Отдай ка хозяину. Пусть распорядится, пока мы разденемся.

Трофим вынул из кармана бутылку с вином, покрытую холодным потом. Алексей не посмел ничего сказать на это. Он только глянул в окно и шепнул жене:

— Запри ка дверь, Марфуша, от всякого греха . . . . . .

. . . . . .

Марфа Никитишна сидела на постели, соображая, сколько муж принесет денег. Она опять думала о жестяной чайнице, где у них лежали деньги. Вот бы полную накласть,—думала она,—хоть бы пятерками или трешками. Для серебра и меди можно приспособить какую-нибудь другую посудинку. Ну, хотя бы папиросную коробку.

Она спрыгнула с постели, глянулась в зеркало и, достав из шкафа карты, начала тасовать их.

Алексей в это время ехал с мужиками по лесу, к тому месту, где, по словам Нефеда, росли самые хорошие дубы.

Пил Алексей очень редко. Поэтому вино в нем начинало бродить со всей силой, ослабляя с каждой минутой руки и ноги больше и больше.

По себе Алексей знал, что еще через несколько времени хмельная волна сразу завалит его. Начнется тошнота, сопровождающаяся тяжкой болью в голове. Знал Алексей и то, что езда на санях усиливает головокружение и, чтобы вызвать отлив хмеля, нужно осилить себя, походить на ногах, пойти домой и лечь на пол лицом книзу. Он попросил мужиков остановить лошадь. Те любезно упрекнули его в слабости и помогли ему выйти из саней.

— Я дальше не поеду,—сказал Алексей, заплетаясь языком и ногами.

— Ну, мы к вам, Алексей Петрович, еще заедем до базарного дня-то,—развязно заговорил Нефед, давая этим понять, что они сейчас не могут заплатить за дуб.

— Да, нам, на базар с женой... Валенки ей,—опять заплелся Алексей. Базары в нашем селе по воскресеньям.

— Приедем, приедем, — сняли мужики шапки и тронули лошадь.

Алексей посмотрел на удаляющиеся с мужиками сани, из-под которых выплывала широко развороченная снежная борозда, сверкающая лунным жемчугом, обвел глазами сооруженные из серебряного пуха валы деревьев—и тут ему показалось, будто в этой серебряной тишине вспыхнули укоряющие глаза Марфы Никитишны. И в его уши лезли ее назойливые, задиристые слова: «у-у, рази-иня! Где тебе быть об'ездчиком, где тебе хорошо жить? Ты в деньгах околеешь с голоду, с своим разумом». Он хотел бежать за мужиками, но другая мысль остановила его. «А что, если ко мне лесничий заедет? Меня нет... Ночь .. разбитая рюмка на столе... Свежий след на Дубровку... на розвальнях.. »

Он остановился. Сразу, как иней с дерева, от удара обухом, свалился хмель с его головы. И сознание, что он сделал

(Окончание см. на 6 стр.).

Тираж 1-го госзайма в Туле.

Уголок Госстраха в Доме Советов.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

(4-я годовщина со дня смерти — 21 янв. 1924 г.).

ОСИРОТЕЛЫЕ

(заседание XI с'езда).

Да, кто был на этом заседании, тот его не забудет... никогда не забудет..

Многие уже знали... но подавляющее большинство делегатов и гостей хотя и наблюдало и чувствовало что-то необычайное, какую-то смутную тревогу, какую-то давящую торжественность, но приписывало это все годовщине 9 января. Что уже имеется новая «годовщина», новая историческая дата— этого с'езд в целом еще не подозревал...

В 11½ часов стол президиума быстро заполняется Появляется тов. Калинин.

— Товарищи, — прошу встать! Встают. Еще думают, что это связано с 9 января. Оркестр начинает похоронный марш. Его резко останавливают.

— Товарищи —продолжает т Калинин, я должен сообщить вам тяжелую весть. Здоровье Владимира Ильича...

«Владимир Ильич»... «Здоровье»... «Прошу встать»...

Страшная истина, как электрическая искра, пронизывает головы. Сразу с различных концов зала раздаются вскрики.

«Здоровье Владимира Ильича в последнее время шло на улучшение. Но вчерашний день произошел с ним удар, и Владимир Ильич»...

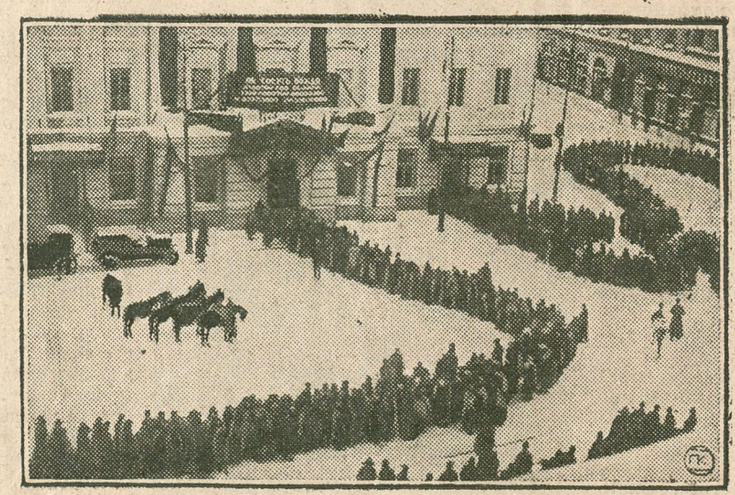
Откровенно говоря, дальше я ничего не слышал...

Какой-то общий стон.. Общее оцепенение..

Яркий зал словно потемнел... Сдерживаемые рыдания все больше вырываются наружу...

Все дальнейшее — как во сне. Помню множество закрытых руками лиц, плачущих навзрыд крестьян, глотающих слезы «мужественных», т.-е старающихся казаться мужественными людей. Помню предложение т. Калинина считать день смерти Ильича (смерти Ильича! Верно ли это?..) траурным днем, сообщение президиума, что тело Ильича (тело Ильича!) прибудет завтра.. Что-то еще сообщали; о чем-то еще спрашивали... Но все это, как во сне...

К гробу Ленина (в дни 22—26 января 1924 г.).

Заседание об'явлено закрытым... Но никто не хочет уходить..

Куда итти?.. Что делать?..

— Можно расходиться, — напоминает председатель.

Но никто не уходит... Окаменели... Надо привести в чувство... Надо дать вылиться наружу непостижимому горю...

Траурный марш...

И тут происходит нечто неописуемое.. Всеобщее глухое рыдание... Кто не может плакать на людях, бежит укрыться где-нибудь в стороне.

Но везде, по всем углам уже уткнулись рыдающие, как дети, очень и очень, вообще-то, крепкие люди..

Расходятся... Никто ни о чем не говорит, никто ни о чем не спрашивает... Подавленные.. Осиротелые... С.

Ленин о культуре.

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру,—без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества».

«Нельзя не из чего строить коммунизм, иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, и нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее, как перевоспитать надо в длительной борьбе на почве диктатуры пролетариата и самих пролетариев, которые от своих собственных мелко-буржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга резолюции, декрета, а лишь в трудной массовой борьбе с массовым мелко буржуазным влиянием».

«Для того, чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень».

ЗИМНИЙ СПОРТ

БЕГ.

„Мы — символ вечного движенья"
(„Молодая Гвардия")

Кто пил из чаши жизни новой,
Тот к старой больше не вернется...
На горизонте лес сосновый,
Над лесом солнышко смеется.
И лыжи стали словно птицы—
Неудержимо вдаль влекут...
Уж солнце за лесом садится,
А лыжи все бегут, бегут...
Быстрей навстречу жизни новой,
Той, чье дыханье в сердце бродит!..
Передо мною лес сосновый,
И солнце за него заходит.
На встречу ветер бьет здоровый.
Но мне с ним весело бороться!.
Кто пил из чаши жизни новой
Тот к старой больше не вернется.

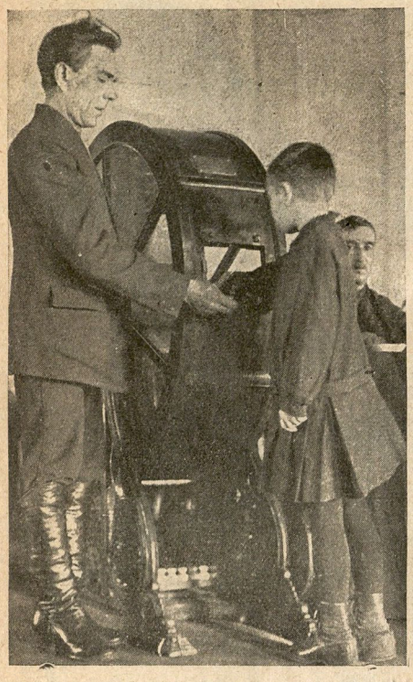
Ив. Елизаров.

Первая в верху на лыжах тов. Царева и крайний внизу тов. Додонов, получившие 2-й приз на состязаниях в Ленинграде на первенство РСФСР. Вверху—на коньках игра в хоккей. Внизу новый стадион в Кремле.

Тираж 1-го госзайма в Туле.

У колеса счастья.

преступление, закачало его сильнее, чем вино. Он еще раз окинул взглядом сверкающий алмазными искрами пушистый лес и ему потмилось, что где-то уже разыскивают его. Он снял шапку, постоял немного, не дыша, и вдруг сразу сорвался с места и почти бегом заспешил к дому.

Подымался ветер. В воздухе кружились миллионы лунных пылинок, срывающихся с макушек леса. Алексей бежал. Тени деревьев, качаемые ветром, как мохнатые лапы, ворошились под ним, и хруст своих ног казался ему скачущей погоней за ним. Он остановился у дома и заглянул в окно—в тот прозорчик, где уголок шторы не дошел до подоконника, а оперся на цвет. И в этот прозорчик Алексей увидал жену. Она сидела лицом к нему, опустив глаза к столу. Он хотел ей стукнуть, но, заметив, что она гадает на картах, решил обождать. По выражению ее лица он понял, что она гадала о его удаче. Он оглянулся в ту сторону, где скрылись мужики. В это самое время он услышал треск и стон в лесу. Его на минуту оглушило. Он понял, что мужики свалили огромный дуб, и дрожь пробежала по его спине. Марфа Никитишна, ничего не слыхала и продолжала гадать. Судя по тому, как она сосредоточивалась, казалось, что карты ей говорили все. Вот она откачнулась назад, видя, что с боку выпал пиковый туз, вот она снова приняла довольный вид, отодвинув в сторону пикового туза. Его она относила к прошедшему времени; она знала, что Алексею и так посчастливится. И еще больше просияла, когда с червонной дамы подняла десятку бубен. Десятка означала—деньги.

Алексей понял, что должно сейчас произойти у них с женой. Он вздрогнул и начал придумывать, как избегнуть неминуемой ссоры. «Сказать—потерял деньги—не поверит,—думал он. Сказать—заедут из леса и отдадут — нельзя. Мужики поедут другой дорогой, чтобы откинуть след». Не придумав ничего существенного, Алексей решил итти навстречу неизбежному скандала. По его громкому стуку Марфа Никитишна подумала, что он идет с удачей, и бросилась открывать ему дверь. Она пропустила его мимо себя, в полуоткрытую дверь и прислушалась к его шагам. Он показался ей бодро-настроенным и, как она заметила, держал одну руку в кармане.

— Какой ты свеженький, Леня,—бросила она, обгоняя его в сенях.

— Посвежеешь,—чуть слышно ответил он,—видишь, какой мороз-то!..

Марфа Никитишна сообразила, что что-то с ним неблагополучно. Вбежав в комнату, она стала у шкафа лицом к нему и спросила, как его дела.

— Дела неважные—угрюмо улыбнулся Алексей.

— Об'ехали черти!—багровея, выдавила она сквозь зубы, стараясь одним взглядом унизить мужа.

— Начинается...

— Все так-то дураков-то! накачают вином, дождутся, пока сделается балбес-балбесом, вымотают, что нужно и... прощай, Макар, ноги озябли.. Черт! разве дуб-то бутылку стоит? Он по казенной расценке и то в полсотни ценится! Эх, ты, Ероха!

— Знаем, сколько стоит, не учи!

Она старалась как можно больше насыпать на него унизительных для него слов. Он стоял, точно очумелый, и не знал что сказать. Наконец он проговорил:

У киоска Госбанка—покупают облигации.

— Ну чего ты, чего ты. Они и приезжали-то совсем не за дубом.

— Что ты вертишься, что ты мотаешься,—озлобленно-нервно махала рукой Марфа Никитишна,—измотался весь, как собака на цепи.

Она продолжала молотить языком, унижая его. Он стоял, как безумный. Но внутреннее его боролось с самим собой. Она, видя, что он ничего не отвечает и отмалчивается, бросилась в слезы и истерично закричала:

— Живи, черт с тобой! Я уеду в город.

— Уезжай—равнодушно процедил он.

Это сильней прежнего подожгло Марфу Никитишну. Она бросилась к кровати, с грохотом вытащила оттуда сундук и рывком открыла его. Затрещала крышка.

— На! бери свое!—вывалила она на пол его белье.

— И возьму,—не меняя голоса, ответил он, нагибаясь за разбросанным бельем.

Марфа Никитишна ждала, когда Алексей начнет уговаривать ее. Он же напротив, точно подгоняя ее, сказал:

— Уйдешь—уходи, кто тебя держит.

Она начала вызывать его на унижения перед ней. Металась из угла в угол, отыскивая несуществующие предметы, развязывая и завязывая по нескольку раз один и тот же узел. Потом она бросилась к вешалке, сорвала пальто и начала одеваться.

— Я вперед тебя уйду,—оттолкнул ее Алексей и снял свою шубу. Она схватила его за рукав, стараясь оттащить его. Завязалась борьба.

— Ты из меня всю кровь выпил!—в гневе вскрикнула Марфа Никитишна

— Ты из меня—оборонялся Алексей.

Потом Алексей решительно отстранил жену.

— Уйди, Марфа,—и направился к двери, застегая на ходу крючки.

— Куда ты, Леня!--Куда ты?—со слезами закричала Марфа Никитишна.

— Отстань, говорю! Пользуйся всем, я ничего себе не возьму. Я не такой, как ты. Заработаю.

Она сильней прежнего вскрикнула и повисла на его спине, охватив его шею руками. Сознание, что ей трудно будет жить одной, обеспокоило ее. Алексей вдруг ей показался милым, ни с кем несравнимым. Она вспомнила все моменты ее жизни. Город... Гимназия... рояль... Не сбывшаяся мечта выйти замуж за офицера... Революция... Черный день,—день, когда отца вывозили из завода на тачке. Все это опять закружилось каруселью и опять попуталось. Она вспомнила, как после смерти отца встретилась в глухом селе на даче с Алексеем Сибирцевым—и как он тогда повлиял на нее.

— Леня, Леня, милый не ходи! Ну куда ты? Куда ты пойдешь ночью?!

Алексей взял ее руку и долго, не моргая, смотрел ей в глаза. Наконец он сказал твердо:

— Знаешь Марфа, не наводи меня на грех!..

— Ну, Леня, не буду, не буду. Раздевайся.—И она начала помогать ему растегивать крючки.

М. Кольчугин.

Прием вкладов, продажа облигаций в уголке сберкассы.

Федькин выдвиженец.

Рассказ С. Сергеева.

Свежее октябрьское утро медленно прорастало отсветами стыдливой, молодой зари.

Нужно было пересечь Арсенальную и спуститься вниз к аптеке, подать записку и взять что-то очень нужное и очень ценное. И Никанорыч спешил. Долго и порывисто стучал, пока ему откроют. Подал записку и не знал, что делать, когда ему сказали:

— Зайдите через час.

Домой не пошел, а спустился к мосту. По реке бежали первые осенние заморозки, серебрились перила. Никанорыч, глубже засунув в карманы руки, повернул назад. Ждать оставалось ровно 55 минут.

Всегда так. Все долгие годы трудовой жизни приходится «отдыхать», ничего не делать, как раз тогда, когда надо все так быстро сделать, и такое, вот нужное дело, которое спасло бы Федькину жизнь.

Вместе с шагами бегут и мысли. Они бегут далеко, к самому началу, к самым истокам.

Трудно сказать, за что полюбил Никанорыч именно Федьку, а не Гришку или Наташку, или кого-нибудь из своих ребят. Все они как будто одинаковые и друг на дружку, как пятаки, похожие, а вот Федька как-то больше в голову лез и о нем больше думалось.

— Под руку, шельмец, родился,—говорил, улыбаясь, с собой, Никанорыч.—С пеленок памятен. Глазенки этакими черничками торчат, слюни из развеселого рта — прямо по пояс.

И через всю жизнь пронес его Никанорыч бережно и любовно, охраняя от лихой нужды, которая стучалась и лезла во все щели в его семью.

Но как-то выходило так, что чем больше он его берег, тем больше Федька хирел, кашлял, хворал.

II.

Кипел самовар, фыркая себе под нос, а жена говорила:

— Ты, отец, зря Федьке потачку даешь. Комсомолы эти, они кого хошь уходят. А Федьке что надо—простыл и готово. И лежит вот...

Все это было верно и убедительно, потому что Федька лежал в бреду и слег, как раз тогда, как вернулся с похода. Доктор из страхкассы сказал:

— Простыл... в спаление... тяжелая форма.

Никанорыч слушал жену, глотал остывший чай, а у Федьки в соседней комнате было 41° температуры и в голове путались планы. Такие большие планы! И такие все хорошие, дельные, по мастерской и по комсомолу.

Подходит к нему первым делом мастер и говорит:

— Ваш проект одобрен, принят. Завод сэкономит тысячи с вашим изобретением. Премируем... пошлем в Москву.

Потом:

...Колонный зал Дома Советов. Октябрь. Торжественное заседание. Секретарь Губкома дает о нем характеристику в партию:

— «Активный парень, изобретатель, совпартшколу окончил. От станка, сын кузнеца»...

...Собрание в мастерской. Муха пролетит—слышно. А Федька говорит рабочим долго, долго. Про Троцкого, про Зиновьева, про Ленина, про Россию, про отца, про партию.

Ладно выходит, и счастлив Федка,— хорошо ему! И хочется только, чтобы и отец понял все и не ругал его, за собрания, за хворь, за работу, а кто-то сильно сжимает ему до боли руки и не дает говорить.

III

Когда умирает близкий, любимый человек, обычно не спится.

И Никанорыч то и дело вставал к Федьке и держал его за руки, когда он пытался подняться и падал. Самым мучительным было то, что они не понимали друг друга.

Карл Либкнехт. Германский коммунист, вождь мировой коммунистической молодежи, убитый в Берлине 15 января 1919 г.

На столе лежали анкеты. Федька пытался подняться. Совал Никанорычу ручку. Заставлял писать...

Когда Федька пришел в себя, было уже утро. Он выпил чаю и сказал:

— Ты не плачь, отец. Коли помру,—так надо. А в партию запишись. Ты сорок лет у станка, значит — пролетариат. Костяк государства. Тебе в партии—первое место... Скажи в ячейке, что я, ты... мы... любим... партию..

Федька остановился. Широко открыл глаза и, задыхаясь, заметался по подушке...

Мать подошла и, быстро опустившись у кровати на колени, стала неистово креститься.

Никанорыч толкнул жену.

Федька, схватив руку отца, прижал ее к губам.

IV.

Та же аптека и тот же мост. Так же ходит в одну и ту же мастерскую Никанорыч, как все 40 лет ходил изо дня в день. Но ни туда, ни сюда не торопится, как будто и незачем.

Качнулась жизнь. Пошла непорядком. 20 лет сына ростил и в землю. Кого любил, Федьку,—в землю... Смешно!

И очень больно.

И рабочие, и мастерская, и сама работа не идет на ум. А домой и вовсе силом ноги переставлять приходится—больно. Придешь и больно. Книжки валяются, галстух, лыжи, шубенка на крючке, а над Федькой—шумят голые деревья.

И слышно, как шумят. Выйдешь на двор и слышно. Гудит на горе кладбище, гуляет в крестах ветер и на душе—боль, пустота, осень.

Да так и было.

А сегодня—не так.

И шубенка та же, и галстух, и книжки, и лыжи, а не то. И даже ветер в деревьях шумит не так—по другому.

На Федькиных книжках лежит большой белый лист. Крупно и очень криво, и очень косо вверху на нем выведено:

«Во Всесоюзную Коммунистическую Партию».

А после Никанорычевой росписи, Федькина приписка:

«Рекомендую в ряды ВКП (б) преданного революции пролетария от станка известного мне с детства, товарища Ивана Никанорова».

Долго таскал этот лист Никанорыч и все думал:

— Стар, не примут.

И чем больше сомневался, тем чаще заходил в ячейку, говорил о том, о сем, читал газеты и уходил.

И вот, взглянув в пятый раз на часы, Никанорыч бережно сложил лист вчетверо и сунул его в боковой карман.

Прошел из угла в угол по комнате и, чиркнув спичкой, заглянул еще раз на часы. Потом надел полушубок, подошел к образам и, задув горевшую так же долго, как его жизнь, лампадку, вышел.

Та же аптека и тот же мост. И в одну и в одну и ту же мастерскую шел Никанорыч из дома. И шел тем же путем и в то же время вышел, а пришел на ячейку на целых полчаса раньше.

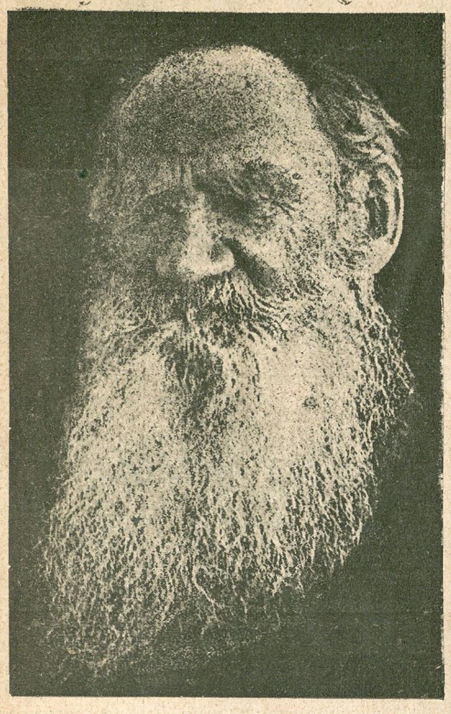
И ноги не болели.

Это хорошо. Значит дело занятное, значит жизнь захватила, а с нею, с жизнью, хоть за море, хоть стариком в партию, в новую жизнь, в новую работу — дело хорошее, большое и нужное.

И трудовая жизнь Никанорыча вновь покатилась по рельсам. Покатилась к одной общей, дорогой цели.

К столетнему юбилею Л. Н. Толстого.

Очерк В. Рязановского. Фот. Г. Федорова.

Лев Толстой.

Нет, кажется, такого дня, чтобы в Ясной Поляне не было гостей. Без конца тянутся сюда шумные экскурсии, свои и заграничные, одиночные путешественники всех профессий, всех цветов, классов и национальностей.

Вот и сейчас в «ремингтоновской комнате» склонился над горой книг и рукописей приехавший из Москвы профессор Львов-Рогачевский. Он собирает материалы к юбилею великого писателя.

Ясная Поляна усиленно готовится к юбилею. Дочь Толстого Александра Львовна только что вернулась с постройки новой больницы Времени у нее мало. Вечером заседание сельсовета, завтра опять где-то заседание и гости, гости...

— К юбилею сейчас собираются все материалы, касающиеся жизни и творчества Льва Николаевича, сообщает Александра Львовна, а, главным образом, юбилей будет ознаменован целым рядом культурных мероприятий.

10-го сентября этого года исполнится 100 лет со дня рождения писателя. Совнарком отпустил на празднование юбилея 200000 рублей.

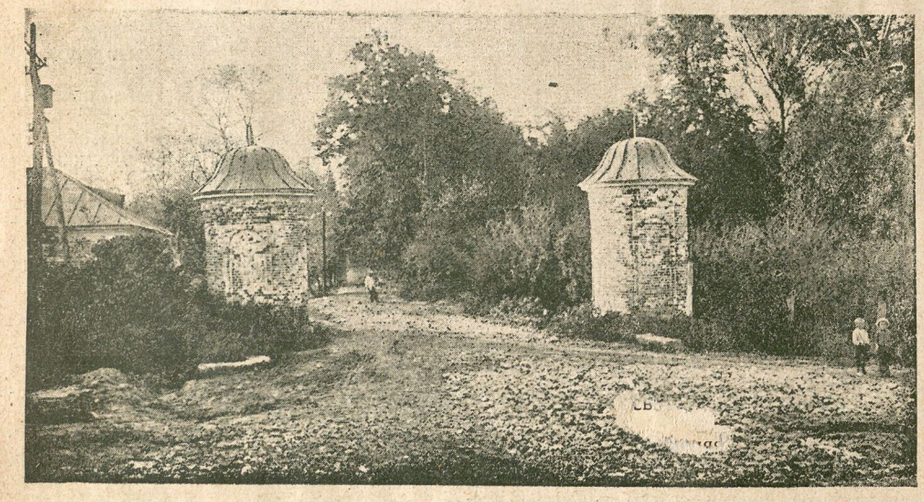
Реставрируется Хамовнический дом в Москве, где Лев Николаевич жил до 1900 года и где он написал «Воскресение». Комнаты — спальня, гостиная, зал и кабинет—восстанавливаются в их историческом виде. Восстанавливается и наружный вид.

Толстовский музей в Москве предполагается перевести в большой каменный дом, который будет приобретен к юбилею. Библиотека музея насчитывает 20000 книг, по которым можно всесторонне изучить Толстого. Коллекции музея сейчас пополняются и расширяются. Собираются как рукописные, так и печатные труды Толстого и о Толстом.

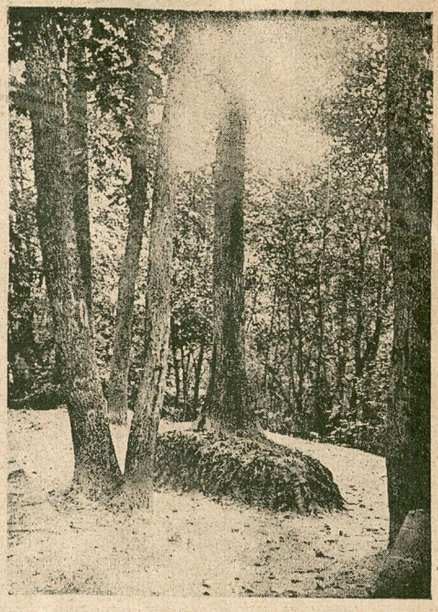
В Ясной Поляне вновь открываются: комната для приезжающих, где стоял гроб Л. Н., комната врача писателя Душана Петровича Маковицкого, комната «под сводами» и спальня Софии Андреевны — супруги писателя. Кроме того, будет восстановлена в точности «комната Ремингтона», в таком виде, в каком она была при жизни Льва Николаевича.

И. В. Сидорков—смотритель музея Л. Толстого. Долгие годы был слугой Толстого.

Ворота в усадьбу Л. Толстого.

Могила Л. Толстого.

Остальные комнаты Яснополянского дома хорошо известны как тулякам, так и иногородним посетителям. Множество фамильных и других портретов работы известных художников — Репина, Серова, Игумновой и др., фотографических карточек самого писателя, членов его семьи и русских и иностранных друзей Л. Н.

Все вещи стоят на исторических местах в том же виде, как и при Л. Н. Библиотека Ясной Поляны насчитывает до 16000 томов на разных языках.

В настоящее время на каждую комнату заведено свое особое «дело», где собираются подробнейшие материалы о всем, касающемся данной комнаты.

Карточный и инвентарный каталоги библиотеки составляются под руководством библиотекаря Московского Исторического музея профессора Ефимова с его сотрудниками. Половина этой работы уже проделана.

Восстанавливается и парк, где выкорчевано 116 пней и посажено столько же деревьев той же породы. Могила останется в неприкосновенности. Восстанавливаются и ремонтируются «дом Волхонского»,— деда Л. Н., насчитывающий 130 лет существования и замечательный своим стилем, а также школа, существовавшая при Л. Н.

За восстановлением этих зданий следит комиссия Главнауки.

К юбилею предполагается издать путеводитель по Ясной Поляне, краткий очерк библиотеки, краткий очерк «Ясная Поляна» о жизни Л. Н. и исторический очерк Ясной Поляны.

Предполагается распространить большое количество юбилейных открыток.

Администрация «Ясной Поляны» озабочена устройством экскурсионной базы, т. к. к юбилею предполагается большой наплыв посетителей. Много гостей ожидается из заграницы, где имеется много почитателей писателя. В Японии, например, сейчас очень популярен роман Л. Н. «Воскресение». Из известных писателей уже выразил желание приехать Ромэн-Роллан.

Юбилейный комитет, в состав которого вошли: Луначарский, Бонч-Бруевич, Хала-

тов (зав. ГИЗ), Уханов (пред. Моссовета), профессора Сакулин, Коган, Гусев, А. Л Толстая, крестьяне «Ясной Поляны» Фоканов и Зябрев, С. И. Степанов и др., постановил снестись с театрами, представителями лутературы и науки о постановке пьес Толстого, составлении его биографии и пр. Художественный театр во главе с Леонидовым выразил желание приехать к торжествам в Ясную Поляну и в Тулу с репертуаром Толстого.

Сейчас уже построено красивое двухэтажное здание школы—памятника на 270 учащихся. Здание возвышается на холме против имения. Школа—9-летка с сельско-хозяйственным уклоном Занятия начнутся в ближайшие дни, как только закончится внутренний ремонт. Внутри здания школы будет поставлена статуя Толстого во весь рост.

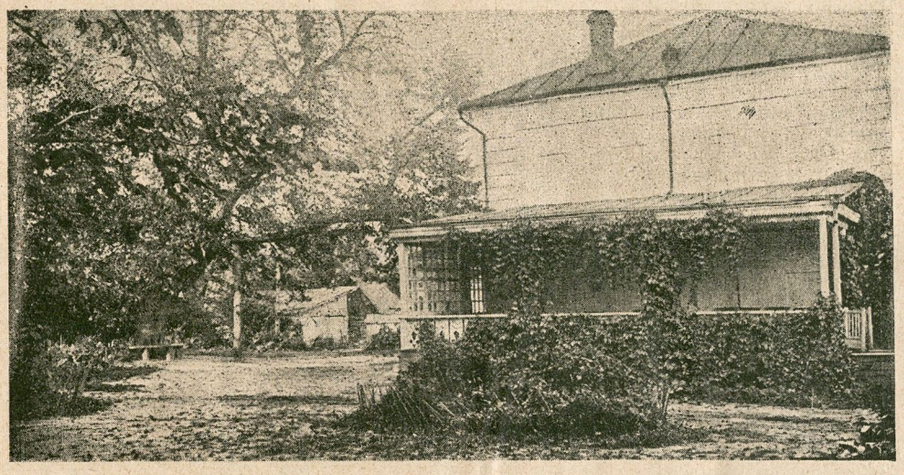
Кроме этой школы, имеются школа 1-й ступени и учебно-производственные мастерские, которые ВСНХ хочет взять в свое ведение (пока мастерские на хозрасчете).

Для двух имеющихся детсадов предполагается выстроить здание, а также отстроить дом для учительского коллектива из 28 человек.

Сейчас учащихся здесь насчитывается 428 человек.

Одна из комнат дома Толстого.

Дом Л. Толстого. Вид со стороны терассы.

Строются: больница на 30 коек (ясли, консультация, амбулатория). Всего заложено 6 корпусов. Амбулатория уже подводится под крышу.

Александра Львовна внесла в юбилейный комитет проект постановки опыта культурного воздействия на 6 деревень. В этих деревнях предполагается образцово поставить кооперацию, сельское хозяйство, школьное и дошкольное образование. Для опыта намечены деревни «Ясная Поляна», Телятинки, Грумонд, Воробьевка, Казначеевка и Бабурино. Опыт здесь проделать тем более легко, что все они расположены около станции, где находится целый куст просветительных уч еждений.

Члены юбилейного комитета т.т. Фоканов и Зябрев озабочены благоустройством своей родной деревни «Ясная Пол на». К юбилею они хотят покрыть все дома железом, упорядочить кооперацию и починить прилегающий к деревне участок шоссе.

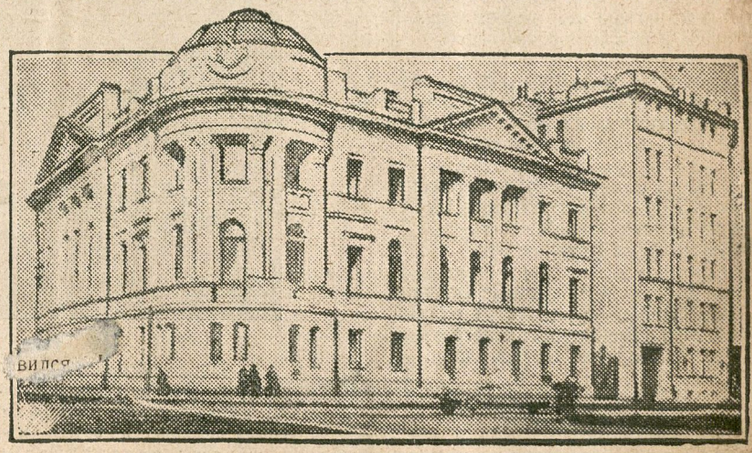
Так рабоче-крестьянская власть осуществляет к столетию со дня рождения великого писателя его самые заветные мечты.

Очаги науки, созданные советской властью.

Осенью 1918 г. в Ленинграде по инициативе и плану умершего недавно академика В. М. Бехтерева был открыт первый в СССР рефлексологический институт по изучению мозга. Задачей института является изучение не только мозга, но и нервной системы, ее строения и деятельности у человека и животных, всех проявлений поведения человека и животных, связанных с ними биохимических и биофизических процессов и всех биос циальных проявлений человеческой личности в ее целом.

Попутно институтом изучаются и главнейшие трудовые процессы, связанные с выполнением умственной или физической работы, определяются индивидуальные особенности организма отдельного человека, с целью выяснения, к какой работе он более всего способен, и исследуется влияние условий труда на организм.

Соответственно этому институт делится на четыре основных отдела—отдел морфологии (строения) мозга, отдел развития, отдел функций (деятельности) мозга и отдел труда (как синтеза творческой деятельности человеческой личности).

СТИХИ.

Из цикла „Серебряный север“.

По скошенному клеверу
Осенний моросил,
К серебряному северу
Нас увозил «Максим».
А я глазами по полю
Усталыми бродил,
Колеса с гиком топали
По рельсовой груди.
Напевы деревенские
Дрожали по лугам,
Растягивала «венская»
Цветистые меха.
Зазвонистые клапаны
Цепляли болью грудь,
И слушал лес заплаканный
Походную игру.
И по равнине Харькова,
Где проливали кровь,
«Максим», пыхтя, похаркивал
Зеленою махрой.
Шарахалася по полю
Ночная полумгла,
Колеса с гиком топали
Под ветра хриплый лай.
А он носился пугалом,
Хлестая все кругом,
И вздрагивал испуганно
Пятнадцатый вагон.
От площади вокзальной
Трамвай стрелой умчал,
По сероватой стали
Колесами стуча
Нева плескалась ласково
В задумчивой тоске,
Здорово, Петроградская
И Мытнинский проспект!

Николай Теплов.

Расставанье.

(Посвящается Л. Гаупт).

В вечеров дремотное молчанье
Я тебя не жду в тени аллей.
Не встречай слезами расставанье,
О любви недавней не жалей.
Не забуду вечер темнолицый...
Глубь небес. Устала и бледна
Ты пришла... но вздрогнули ресницы,
Ты пришла под тополь... не одна.
На скамью, отряхивая росы,
Вздрагивали ветви лозняка...
К голове твоей светловолосой
Льнула незнакомая рука.

. . . . . .

И теперь не спрашивай украдкой,
Отчего вольнее одному,
Не одна в полуночную тьму
Ты не спишь над этою загадкой.
Искорки в задумчивости взора
С грустью затаенной не лови,
Я без слов и даже без укора
Знаю боль обиженной любви.
Может быть, в пахучий вечер мая
Я тебя увижу невзначай
И скажу холодное прощай,
Встречи равнодушно вспоминая
И хоть долго буду провожать их
Тихой памяти живым лучем,
Пламя дорогих рукопожатий
Не напомнит сердцу ни о чем.
Не разгладит сумрачные складки,
Искры глаз не расцветут опять...
Оттого такой простой загадки
Ни тебе, ни мне не разгадать.

Михаил Зайцев.

Москва, декабрь 27 г.

Мои песни.

Край мой тихий. Край долинный,
Глушь проселочных межей...
Тянет горечью полынной
От заросших рубежей.
Плещут звонким пересвистом
В час безветренный стрижи,
И плывут в разбеге мглистом
Волны пенящейся ржи.
Из-за дремлющего ската
Дышит вечер на поля,
Вот уж в золоте заката
Задымилась конопля,
Будто легкие топазы —
Облаков полукольцо,
Василек голубоглазый
Улыбнулся мне в лицо...
Вижу, будто в ожиданьи
Затаили ковыли
Упоенное дыханье
Торжествующей земли.
Я смотрю на эти звезды,
Что рассыпались во мгле,
И мне кажется
Я создан,
Чтоб прислушаться к земле,
Чтобы золото созвучий
Перелить на струны слов,
Самых женственных,
Певучих
И отзывчивых ладов.
Я пойду туда, где люди
Плавят кованную трель,
Звоном трепетных прелюдий
Разолью свою свирель.
Расскажу я, как с ветрами
Вечерами шепчет рожь,
Как восток в рассветной рани
Опьяняющее хорош.
Как земля в очарованье
Нежной мглы полутонов
Спит в тревожном ожиданьи
Электрических гонцов.
И пускай в аду машинном
Расплещусь я до конца,
Чтоб разгладились морщины
Утомленного лица.
И когда сойду с пути я,
Может чья-нибудь слеза
Упадет на голубые
Неподвижные глаза.
И, склонясь у покрывала,
Тополь скажет мне тайком:
«Милый! Жизнь твоя завяла
Придорожным васильком».

1927 г. **В. Сухотин**

Старик.

Недоверчив, скуп на слово,
Хмурит грозный лик.
Я ли бурей не целован?
Говори, старик!
И сказал, что будет дело.
Стой, седой хитрец.
Под тобою оголтелый
Пляшет жеребец.
Не гони коня в галоп...
Не терплю я фальши,
Тише... тише... тише...
Стоп!
Не поеду дальше.
Кони стали. Сумрак в поле.
Холодеет в ночь.
— Коли так, то слушай что ли—
Рассказать не прочь
Стороной проходят вьюги,
Сплошь кедровый свод,
И живут со мною други —
Смоляной народ.
Только в жизни мало смысла,
Коли бабы нет.
Ни угла, ни коромысла
На преклоне лет.
Я теперь вот кудрей проседь
Думою обвил:
Сердце старое, а просит
Молодой любви.
Да вмешался тут не к месту
Парень и конец!
Нареченную невесту
Возмутил шельмец.
Видишь, звезды в небе глубко.
Будет темной ночь.
Увести ее голубку
Одному не в мочь.
Коммунист Николка ловок.
Часом, будет бой.
Ты возьми ка для милова
Этот нож с тобой.
Ну, безусый, трогай, трогай...
Но ответил я:
У тебя своя дорога,
У меня своя.
Завязил седые кольца
С головой в просак:
Заводского комсомольца
Не узнал, простак.
Нет, найди другого друга,
Нож не для меня.

. . . . . .

Подобрал поводья туго,
Повернул коня.

Сачков.

Наши выдвиженцы: впереди (слева) 1) Зайцев, батрак, 2) Сухотин, рабочий, — учатся на рабфаке искусств в Москве. Позади 3) Гр. Щербаков, рабочий, учится в 1-м МГУ на литературном отделении, 4) Теплов Н., батрак, учится в Ленинградском университете, на литературном отделении и 5) Сачков Ф. (Гулявин), рабочий, учится в институте К. Либкнехта. Все товарищи посланы учиться тульской ассоциацией пролетписателей.

Из литературного опыта

СЛУЧАЙ С РАЗВЕДЧИКОМ ГРИНЬКОЙ.

Рассказ Бездомного.

— Фу ты, леший, ну и густища: не лес, а чертово болото.

Обливаясь потом и бранясь, Гринька вылез на опушку и облегченно вздохнул. Сел в тень лохматой сосны, вывернул карман и стал тщательно выбивать на грязную ладонь махорку, перемешанную с крошками хлеба.

Гринька оторвался от своих. Вчера к вечеру они вышли на разведку из роты. Их было четверо. Верст пять отмахали до вечера. Когда солнце прощалось с землей вишневым закатом, все четверо входили в лес. Шли так:—Гринька—слева, правее его, шагах в пятидесяти—Ванек и на правом фланге—два брата Петровых.

Итти надо было на запад. С каждой саженью лес густел, а темь опускалась все ниже. Стало трудно видеть друг друга. Потихоньку воронами перекликались—так было условлено. Поднимавшийся ветер закидывал небо облаками. Темь сгущалась. Шум листвы и хвои, плач деревьев мешали держать связь.

Шел вперед Гринька, кричал вороной, но ответа не слышал. Ночная темь поглощала его. Потерял Гринька и запад. Хотелось крикнуть громко, но боязнь быть услышанным врагом останавливала его. Решил итти наугад.

Так до полуночи брел Гринька.

Наконец, сплошные плетки ветвей, высокая трава настолько утомили его, что он решил заночевать. Остановившись, Гринька поднял глаза к небу, упорно глядел в грязные облака так, точно последний раз пытался найти запад. Через минуту он лежал под скрипевшей сосной. Куча сучьев служила подушкой ему. А одеялом—мрак ночи.

В глубокий сон погрузился Гринька. Ветер метался над ним, то грозно мычал, то дерзко, по-мальчишески насвистывал в уши Гриньки, стараясь разбудить его. Но Гринька спал так крепко, что если бы рвались вблизи сотни снарядов, то и тогда бы Гринька не встал.

Так до утра.

И едва утренний свет коснулся густых шапок хвойных деревьев, Гринька был уже на ногах. Сон подкрепил его силы. Позеленевшие от плесени сухари утолили утренний голод. Он, ободренный ласковым утром, уходил на запад—далеко туда, где, по его мнению—были Ванек и Петровы.

Шел наугад до тех пор, пока солнце еще скрывалось. Но вот оно полыхнуло утренней зарею на востоке и указало точный путь на запад. Улыбнулось солнце. И Гринька улыбнулся и еще веселей двинулся вперед. Так без больших событий добрался он до опушки, откуда далеко вперед расстилалось пшеничное поле. На опушке еще раз Гринька подкрепил свои силы сухарями, попил из баклажки вчерашней болотной воды и, озираясь по сторонам, медленно пошел туда, где пшеница тучным колосом стлалась под ветром. На горизонте маячила какая-то темная точка. Гринька шел навстречу к ней. Высокая пшеница скрывала его.

Точка быстро росла. Теперь можно было сказать, что это скачут несколько всадников. Он свернул на межу, прошел по ней до середины полосы и скрылся в пшенице. Всадники приближались. Пестро одетые и разнообразно вооруженные, они были похожи на шайку лесных разбойников, едущих на добычу. Гринька внимательно следил за ними. Всадники поравнялись с его полосой. Первый—очевидно, старший осадил коня.

— Тут мы вчера взяли их,—сказал он. И, закрыв ладонью глаза от солнца, внимательно стал смотреть на расстилавшуюся пред ними опушку.

— Айда!

Рысью двинулись вперед, оставляя позади сероватую завесу из дорожной пыли. Вскоре скрылись в лохматом лесу.

Гринька медленно шел к гребню возвышенности. И лишь только он вступил на него, как увидел на обратном скате незнакомое селение.

Это было то селение, в котором должны были провести они разведку.

Издалека селение казалось большой черепахой. Глиняные халупы разбросались в беспорядке. Почерневшая солома крыш придавала им убогий вид.

Гринька подходил ближе к селению. Ему видно теперь и движение,—какое-то подозрительное, не деревенское. Из конца в конец то и дело снуют люди, скачут верховые.—Очевидно белые—решил Гринька. Надо разнюхать,—сказал он себе и, выбрав удобное место обзора, лег. Вечерело. Из селения доносился лай собак и громыхание повозок. Гринька заметил, как из большой белой хаты по средине селения вывалилась толпа и направилась по скату. И только теперь Гринька увидел, что это не просто толпа, а какие-то арестованные люди, окруженные вооруженным конвоем. Их вели вдоль по лощине к одинокому сараю, который Гринька приметил только теперь. Сарай плохо был виден ему. Какое-то страшное чувство любопытства, перемешанное со страшной боязнью за участь своих товарищей, толкало его вперед. Гринька пополз вниз по скату, волоча за собой винтовку. Сарай ему виден был, как на ладонке. В кольце конвоя, очевидно, ш и пленные. Их с руганью и побоями вогнали в сарай. Взвизгнули ржавые петли закрывавшейся двери. Конвоиры, громко крича между собой, уходили в селение.

У сарая Гринька заметил часового. Гриньку взяло раздумье.

— А что, если то были они... Расстреляют не иначе...

Солнце запряталось за облака. Несколько позже оно, окунувшись в пшеницу, исчезло. Стало постепенно темнеть. Ветер гнал из-за леса серые тучки. Они грудились в большие стада, заволакивая небо.

С каждым часом становилось темнее. И скоро деревня погрузилась в сон.

Час Гриньки настал. Он проверил винтовку, снял штык и, пригибаясь в уровень пшеницы, пошел к таинственному сараю. Гринька был настолько близко, что мог легко видеть темный силуэт двигающегося часового. Он ходил, небрежно раскачиваясь и громко зевая.

Но терпение с каждой минутой натягивалось. И Гринька еле сдерживал себя. Дышал как-то порывисто, сердце молотком стучало по грудной клетке. Вот часовой, прислонив винтовочный обрез к стене, вынул из кармана изплатанных шаровар кусок хлеба и преспокойно стал жевать.

— Прыгай!—кто-то будто шепнул Гриньке. И Гринька подобно кошке, присев на четвереньки, легко прыгну вперед. Не успел часовой взяться за ружье, как в него сурово уперлась Гринькина винтовка.

— Замри, пристрелю!—властно скомандовал он часовому. Клади винтовку, открывай сарай. Винтовка выпала из рук часового. Он растерялся.

— Ну!...—процедил сквозь зубы Гринька.

Часовой неловко вскинул руки вверх и направился к двери. Осторожно вынул засов, открыл дверь.

— Гринь!—послышался из темного сарая радостный голос Ванька.

Из двери выбежали Ванек, братья Петровы и несколько крестьян. Связали часового.

— Ну, живее в лес!—скомандовал Гринька.

Ночью Гринька и спасенные им товарищи вернулись в свою роту, а на утро был разбит отряд белых, находившийся в селении №.

ВЕЧЕРОМ В ГОРОДЕ.

Деревенскому ль сердцу знаться
С гулким шумом ночных городов?
Видно мне суждено затеряться
В бесконечных мотках проводов.
Нет, тому не видать снежной замети,
Кто покинул деревню давно,
Потому что по старой памяти
Я бываю часто в кино.
И следя за годом — мотором,
Пролетающим в искрах дней,
Ах, я знаю, что скоро, скоро
Уроню из глаз радость полей.
Только изредка в час вечерний,
Когда улицы шумом кипят,
Слышу, слышу в последний час, верно
Придвигаются крыши хат...

А. Соболев.

Поселок «Свобода»,
Павловского района.

Н. А. НЕКРАСОВ.

8-го января исполнилось 50 лет со дня смерти Николая Алексеевича Некрасова.

Значение Некрасова для победившего пролетариата заключается не только в том, что он был великим поэтом, великим художником слова, но и в том, что он был единственным из семьи русских великих поэтов, неуклонно и неизменно звавших к революционной борьбе, был первым поэтом-гражданином.

Вся, так называемая, изящная литература до Некрасова была литературой преимущественно дворянской. Некрасов первый поэт, вышедший из дворянства и настроивший свою лиру против этого дворянства.

На все лады от туляка Жуковского до туляка Толстого «склонялись» «дворянские гнезда», в которых жили, любили, пили, мечтали благородные, скучающие, кающиеся, томящиеся, страдающие и скорбящие герои и героини «дворянских гнезд».

И всех их об'единяло одно — любовь к своему классу, любовь к собственности, к «дворянским гнездам», к жизни, хотя бы за счет мертвых душ.

Про этих самых вымышленных и натуральных героев только Некрасов сказал и сказал первым, что их жизнь:

«... Бесплодна и пуста,
Течет среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства».

Это среди них, под их владычеством трудящийся, по словам Некрасова:

«Завидовал житью последних барских псов».

До Некрасова художники и поэты, любя, журили помещичье и крепостное право.

Но Некрасов ненавидел не только героев помещичьего быта. Он ненавидел всю капиталистическую систему от царя до обывателя. В ногу с единичными великими протестантами, от декабристов до петрашевцев идет поэзия Некрасова.

В эпоху почти натурального хозяйства, когда еще только появлялись признаки капитализма в России и его спутник и могильщик — пролетариат, когда поэзия была достоянием высших классов, даром богов, а поэты небесными избранниками, Некрасов писал:

„Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан".

Все творчество Некрасова довольно четко ставит определенную задачу перед гражданином — задачу избавления народа от той многообразной, рабской эксплоатации, которой этот народ подвергался и которая раскинулась по родной земле без конца и края.

... Родная земля! — обращается Некрасов —
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы с ятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.

Некрасов знал, что народу жить плохо, и хотел, чтобы было лучше. Некрасов знал, что «сточ стоит» по всей земле. Но не знал, вместе со всеми народниками, со всеми революционерами своего времени, что же надо делать?

Некрасов видел муки народа, страдал за него и с ним. Видел Некрасов и то, как разбивались, как о каменную стену, о долготерпение все хождения в народ.

И он с горечью спрашивал:

... Эх, сердечный!
Что же значит твой сон бесконечный?
Ты проснешься, исполненный сил,
Иль судеб, повинуясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно на веки почил?

И не только поэт Некрасов, но и революционная газета «Народная Воля» писала, спустя два года после смерти Некрасова, в 1879 году, что работать в народе при создавшихся условиях — это значит «биться, как рыба об лед».

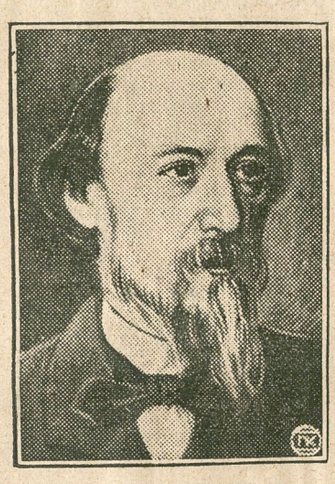
В этих условиях вполне понятно, почему в поэзии Некрасова преобладают мотивы некоторой печали, скорби, нежели призывов к борьбе.

Только спустя довольно продолжительное время, под влиянием экономического развития «в народе» появился класс, неведомый Некрасову и первым народникам, которому суждено было взять дело революции в свои руки — рабочий класс, промышленный пролетариат.

Как оценивали современники гражданское творчество Некрасова?

Незадолго до его смерти Чернышевский из Сибирской ссылки писал врачу, лечившему Некрасова:

„Скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему из всех русских поэт в".

Н. А. Некрасов.

«Поэзия в его стихотворениях и не ночевала... Я к ним чувствую нечто вроде положительного отвращения» — писал Тургенев о поэзии Некрасова.

«Что за талант у этого человека. И что за топор его талант», — говорит Белинский.

«Некрасов самый отчаянный коммунист,» — кричит ренегат и доносчик Фаддей Булгарин.

В день похорон у могилы Некрасова Достоевский сравнил его с Пушкиным

— Нет, он выше Пушкина, — ответил кто-то из толпы.

И вся история жизни и творчества Некрасова — тяжелая история. Со всех сторон на его поэзию сыпались упреки.

— Брось воспевать ямщиков и всю деревенщину. Это фальшь, которая режет ухо — советует Некрасову Тургенев.

Но революционная, учащаяся молодежь и передовая революционная интеллигенция ставили Некрасова выше Пушкина.

Некрасов был и останется любимым поэтом всех революционных деятелей.

Но было бы неверно думать, что на Некрасова не влияла та среда, из которой он вышел и среди которой он жил и работал, и что в его поэзии нет отражения этой промежуточной прослойки.

Но та, подлинно рабская, крепостническая пора, в которую жил Некрасов, та беспросветная тьма, в которой жил весь народ, тот гнет, от которого задыхалось все живое многое оправдывает в творчестве Некрасова.

В основном поэзия Некрасова, несмотря на некоторое преобладание не мести, а печали — делала свое великое дело — дело организации лучших умов страны вокруг вопросов раскрепощения трудящихся.

Если в прошлом мы встречали враждебное отношение к поэзии Некрасова со стороны некоторых писателей, считавших Некрасова «совершенно лишенным поэтического дара» (Толстой), то для нас сейчас ясно, что они носят определенный классовый характер.

У Некрасова, в лучших его стихотворениях, на редкость гармонирует форма с содержанием. Возьмите хотя бы его популярнейшую в народе «Коробочку», «Дядю Власа», «Позднюю осень», «Железную дорогу», «Размышление у парадного под'езда» и т. д.

Есть у него, как и у всех поэтов, не мало слабых стихотворений, строф, рифм и т. д. Но если принять во внимание, что Некрасов писал о народе и для народа, который был тогда почти на все 100 проц. неграмотным, то некоторое снижение формы настолько же естественно, насколько неестественно было бы обратное.

Некрасов — поэт передовой, бунтарской интеллигенции и вполне понятны в его поэзии чисто публицистические, агитационные, призывные, даже плакатные стихи, с которыми он обращался к закрепощенному крестьянину, фабричному рабочему, трудовому народнику-интеллигенту.

В одной из своих статей о Горьком, Воронский вполне правильно замечает, что «Некрасов, бывший по таланту своему крупным поэтом, в деятельности дал лишь долю той поэзии, которая таилась в нем. Ему мешала борьба».

И сам Некрасов писал о том, что

«Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть борцом».

И мы с огромнейшим удовлетворением констатируем, что Некрасов шел по пути поэта-гражданина, как и подобает итти всякому поэту своего класса, тем более, класса борющегося и не окончившего еще борьбы.

Чудовищная, жуткая, крепостническая эпоха, в которой жил Некрасов, осталась позади. Под влиянием экономического развития вырос рабочий класс. Под руководством коммунистической партии этот класс, неведомый Некрасову, сейчас встал у власти и строит социализм.

Крестьянство, которое надрывало стонами сердце Некрасова и доводило до отчаяния своим долготерпением, сбросило с своих плеч иго помещиков, отобрало их землю и поместья и выгнало их вовсе из пределов советского государства.

Прошло почти 100 лет с тех пор, как Некрасов спрашивал русский народ в своем знаменитом стихотворении «Размышление у парадного под'езда.»

«Ты проснешься ль, исполненный сил,
И, судеб повинуясь закону,
Все, что мог ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?»

Рабочий класс и крестьянство и вся советская страна сейчас отвечают на эти стихи Некрасова 10-тилетним строительством советской страны, страны строющегося социализма, страны, в которой управляют сами рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии.

А. Ш.

ТУЛЬСКИЙ ТЕАТР.

К 10-й годовщине Октябрьской революции, подводя итоги на фронте культурного строительства, наряду с другими достижениями, мы констатировали необычайный рост советского театра.

Советский театр, по глубине содержания и по своей социальной значимости, стоит сейчас на исключительной высоте, признанной сценическими деятелями всего мира.

Почти все стили театральной работы на Западе не избегли самого бол шого влияния советского театра. Скупя на признания всего советского, здесь, на этом участке, Европа — признает нас и даже многое заимствует.

И едва ли не самую львиную долю по реформе старого, дореволюционного театра приходится отдать гениальнейшему советскому режиссеру Всеволоду Мейерхольду. Он первый совершил Октябрь в театре и первый с отвагой подлинного революционера стал проводить в жизнь новое искусство, новое оформление сцены.

Конструкции, площадки, сукна, вертящаяся сцена, упразднение рампы, потолков, даже занавеса – все это сейчас никого не удивляет и кажется естественным.

Под знаком Мейерхольда идут сейчас лучшие постановки и в государственных академических театрах: «Лизистрата» в МХАТ'е, «Любовь к трем апельсинам»—в Большом и «Любовь Яровая»—в Малом.

Текущий зимний театральный сезон и у нас в Туле в этом году начат под знаком самых последних достижений театральной техники.

Петров Кириллица в роли Тунгуса Улейка. («Пурга»).

На первой постановке «Константин Терехин» на сцене беспрерывно участвуют от 10 до 60 человек. Пьеса идет под аккомпанимент хора и музыкальных инструментов. Нет рампы, нет суфлера. Постановка — конструктивная. Исполнение великолепное. Пьеса идет в первой половине сезона 18 раз.

«Коварство и любовь» идет на вертящейся сцене.

Тула в театральном оформлении становится в одну шеренгу с лучшими городами провинций СССР.

Но с первых же шагов этот новый советский театр в Туле столкнулся с огромными материальными затруднениями. Реформа театра, сама по себе, не явилась достаточным средством, чтобы привлечь к театру основного и единственного в Туле массового зрителя—рабочего, при помощи которого и может только существовать в Туле хороший, подлинный, советский театр.

Но так или иначе, а один факт того, что лучшая постановка в сезоне прошла 18 раз, свидетельствует о том, что лед тронулся, что здесь без участия коренного населения Тулы—рабочих дело не обошлось. Если бы режиссуре удалось дать еще две-три таких постановки—дело привлечения рабочего зрителя уже значительно сдвинулось бы с мертвой точки.

Но, к сожалению, все последующие постановки истекшей половины сезона оказались значительно слабее первой и быстро сходят с театральных подмостков, задевая только активного, кадрового, привычного зрителя.

Это далеко, конечно, не значит, что все последующие постановки плохи. Они хороши, нужны, но они все же оказались слабее первой. И в этом заключается беда.

Суковская в роли невесты генерала Оллан.

Театр не прогрессировал, а в лучшем случае стоял на одном уровне.

Из всех последующих постановок основной неуспех падает на переводные пьесы. А так как их 70 проц. из всех постановок этого сезона, то вопрос о советских пьесах на второе полугодие надо поставить с гораздо большим уклоном.

Любич в роли партизана Владимира.

Вторая советская постановка «Пурга», несмотря на ее исключительную бедность ролями, немассовость действия. все же эта вторая лучшая постановка в первой половине сезона.

Готовится к постановке еще одна советская пьеса — «Разлом». Этой пьесе во второй половине, безусловно, суждено будет сыграть решающую роль в переломе настроений к русскому советскому репертуару, к нашей молодой, но чрезвычайно содержательной и глубоко эмоциональной советской драматургии у местного, массового тульского зрителя.

Наряду с работой Гортеатра совершенно необходимо шире развернуть организацию других видов здорового отдыха и развлечения, путем устройства общедоступных концертов и вечеров в Доме Советов.

При наличии одного театра в Туле и всего двух новых постановок в месяц, привыкшему к театру активному зрителю остается полная возможность без ущерба для Гортеатра посещать параллельные общедоступные концерты и вечера.

Л—ль.

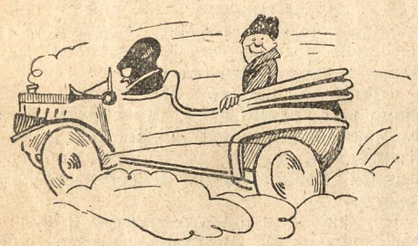

Сцена 2 действия пьесы «Пурга».

Сатира и юмор

СЕНИНА ПОЕЗДКА.

Семен Степаныч Иванов
В командировку снарядился.
С деньгой во внутренний карман
Бумажник плотно уместился.
Поездкой Сеня восхищен:
Он облечен доверьем треста!
Солидной суммою снабжен,
И дома ждет его невеста.
Она явилась на вокзал.
— Как это мило, в самом деле,—
Он умиленно ей сказал,—
Примчусь, голубка, чрез неделю.
Вот и желанная Москва.
Скорей на площадь Сеня мчится.
И от востэрга голова
Провинциальная кружится.
Жужжит толпы пчелиный рой,
Прут с чемоданами, с мешками..
Манит такси нарядных строй,
Трамваи уши рвут звонками.
Глушит прибывших шум и гром,
Пьянит Москва своим угаром;
И многоликий Моссельпром
Вокруг раскинулся с товаром.
Москва, Москва, ты хороша,
В тебе музеи, развлеченья,
Но здесь таскаться без гроша,
Конечно, сущее мученье.
Своих деньжонок Иванов

Имел количество пустое,
Зато с казенными карман
Манил волшебною мечтою.
Зажмурясь, он идет к такси,
Шофферы видят—не столичный.
Семен командует: вези
В отель какой-нибудь приличный.
Как пух, несет его авто,
Легко подпрыгивают шины.
Беда вот—шапка и пальто
Не гармонируют с машиной.
Вот и отель. Швейцар идет
Спокойный, важный, сытый, гладкий.
За полверсты шоффер берет,
И глазом не моргнув, десятку.
Шоффер машину повернул,
Он знаменитый был отгадчик.
Швейцару глазом подмигнул
И молвил на ухо: растратчик!
Шикарный номер Сеня взял,
Чудесный номер, даже с ванной...
Какой там номер... целый зал
С роскошной мебелью, с диваном!
В трюмо наш Сеничка глядит.
Глядит уныло и печально:
— Какой паршивый, право, вид
И глубоко провинциальный!
Дрожа вбегает он в Мосторг,
Костюм скорее выбирает.
Вот он и франт... какой восторг!
Ботинки блещут и играют.
Наш Сеня вечером в кино
Идет развалистой походкой.
В киношке публики полно,
Но всех милей одна красотка.
Не может Сеня превозмочь

В себе истомного волненья.
Ее не видит он, вкруг ночь...
И вдруг... руки прикосновенье...
Вот познакомились они,
Летят вдвоем в автомобиле,
Горят вечерние огни,
Авто шутя глотает мили.
Квартира Лелечки тесна,
Зато уютна. Он ликует.
За стенкой музыка слышна,
Пар пять старательно танцуют,
Она к столу его влечет,
Знакомит с кем-то, представляет.
Со всех сторон ему почет.
Жмут руки, стульчик подставляют.
Ему подставили флакон.
Вино наш Сеня жадно хлещет.
Потом горланит песни он,
Ему в восторге рукоплещут.
Потом он что-то танцовал,
Сломал у пианино крышку,
Кому-то смокинг разорвал
И мял какую-то манишку.
На утро в зеркало глядит:
— Там отвратительная маска—
Лицо опухло, глаз подбит,
В петлице дамская подвязка.
На смятом ложе Леля спит,
Разинув рот, закрывши глазки.
Смешалась пудра (чудный вид!)
С губною яркою замазкой...
Когда вернулся он в отель
И начал подводить итоги,
Вдруг опустился на постель...
Бессильно подогнулись ноги.
Бумажник долго он вертел
(Ведь, сто червонцев там лежало).
Увы, бумажник опустел,
Осталось что-то очень мало.
Хотелось кинуться в окно
И стал уже за раму браться...
Потом решил он в казино
Итти с остатком отыграться...
Безумно Сене повезло,
Счастливо карта выпадала;
Фортуны нежное крыло
Его таинственно ласкало.
Дамбле мелькает за дамбле,
За банком банк герой срывает,
И пирамидой на столе
Пред ним червонцы вырастают.
Какой-то сзади странный стук...
Наш Сеня резко повернулся,
Колоду выпустил из рук,
За лоб схватился и... проснулся.
Со лба холодный пот течет.
На дверь глаза он раскрывает,
Оффициант ему подносит счет...
. . . . . .
Чудес на свете не бывает!

В. Питерский.

ИГРЫ.

Освежайте вашу память.

С этого номера мы вводим «игру», называемую по американски «викторина», с целью освежения памяти, «ревизии умственных складов». С самого детства мы накопляем бесконечное множество сведений, которые как-то заваливаются в нашей памяти, и подчас мы долго не можем вспомнить нужных нам сведений. Это игру рекомендуется вводить при групповых играх. Один кто-либо задает вопрос участвующим в игре,— конечно, не такой вопрос, за ответом на который надо бы лезть в энциклопедический словарь, а вопрос, рассчитанный на средние знания. Игра вводится с целью соревнования в знаниях: кто прежде других даст большинство точных ответов. Серию вопросов следует заготовлять заблаговременно.

Ниже мы даем читателям ряд вопросов, на которые желающие могут дать точные ответы. Первые 10, правильно сформулированных ответов, доставленных в редакцию — будут премированы бесплатной выдачей следующего номера «Молота», с опубликованием фамилий их авторов.

1) Кто написал «Интернационал»?

2) Перечислите всех классиков и современных писателей, происходящих из Тульской губернии.

3) Где умер Толстой?

4) Какие первые произведения написал : Толстой, Горький и Достоевский?

5) Какой главный герой в романе Леонида Леонова — «Барсуки»?

6) Укажите автора романа, где выведены вожди Октябрьской революции.

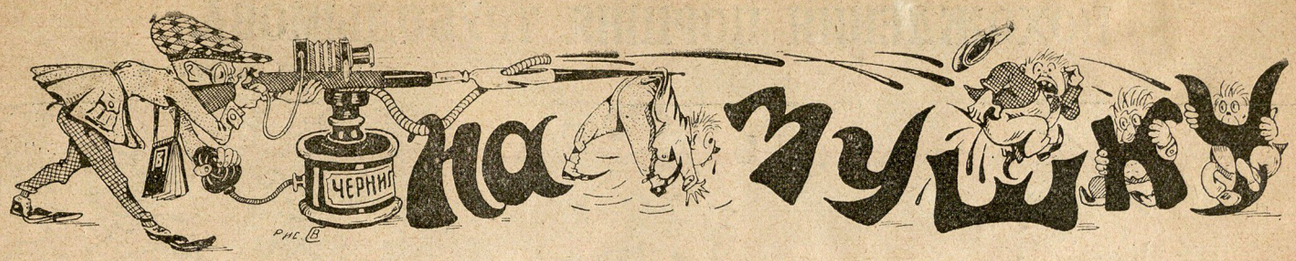
7) Кто автор повести «Хабу»?

8) Какими словами, написанными до цензуры, заканчивалась трагедия Пушкина — «Борис Годунов»?

9) Перечислите все юбилеи рождений и смертей писателей в 1928 году.

10) Укажите самое крупное литературно-художественное произведение, посвященное Ленину.

Просьба к читателям присылать свои вопросы.

Петелинские „Земляники".

У рабочего текстильной мастерской № 1 тов. Д. жена находилась на излечении в Петелинской колонии. Вдруг он из колонии получает извещение, что его жена умерла. Убитый горем муж мчится в Петелино, где ему подтверждают, что жена его умерла.—Разрешите посмотреть.

— Сделайте одолжение, спуститесь в подвал; трупы у нас там.

Но т. Д. там своей жены не нашел. Оказалось, что перепутали с другой покойницей. **В. Н. Князев.**

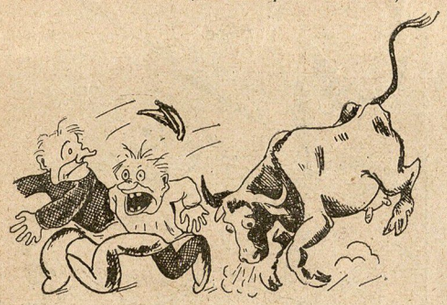
Даже такой патентованный головотяп, как Гоголевский городничий, и тот советовал смотрителю богоугодных заведений Землянике «над каждой кроватью надписать по латыни, или на другом каком языке»...

А подать сюда Петелинского Землянику!

Коровоглотатели.

Агент Угрозыска совместно с завканцелярией Адмотделения Чернского района продали забежавшую корову.

(Из материалов РКИ).

Пропивая «коровьи» деньги, завканцелярии с агентом, говорят, пели:

Нам всякий зверь дается богом,
Какой бы ни был он среды,
Пусть будет с гривой, или с рогом
У нас, брат, плохо не клади.

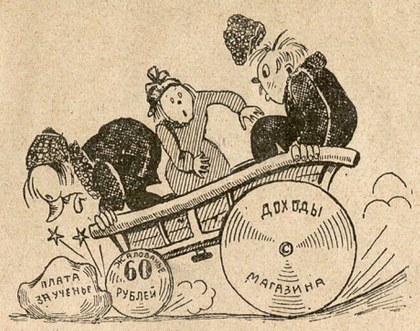
Скромный комендант.

Комендант Рабжилстроя, загрязнив и загадив свою квартиру, перешел в другую в только что отстроенном доме. Рабочие возмущены. **Ф. Н.**

Чего ж тут возмущаться? Комендант-чин не малый, в грязи ему жить не к лицу, а о чистоте в своей квартире заботиться некогда—ему чистоту и порядок во всем поселке наводить нужно. Шутка-ли. По моему, не возмущаться, а благодарить коменданта за скромность надо: только одну квартиру успел загрязнить, а мог бы и бол ше...

Деньги на бочку!

В Губпрофобр явился владелец галантерейного магазина по ул. Коммунаров, Лихачинский, с жалобой на то, что его сестру-ученицу Музтехникума обложили «непосильной» платой за ученье, в размере 13 рублей в месяц. Заявление он подал от имени своего отца, который служит у него и получает всего 60 рублей в месяц. Фактически же и отец и сын совладельцы магазина.

Как вы, братцы, ни садитесь,
Расплатиться потрудитесь.

Тоже „смычка".

Поп Крутенского «прихода» Щекинского района Иванов и председатель Подосинковского сельсовета И. Тимохин, собрались в деревне Мясновке справлять «Миколу». При этом пред сказал попу: — ты поп церковный, а я — советский, давай затянем веселенькую. Послушать «попов» собралось много народу.

Он.

При этакой дружбе Тимохин когда-нибудь предложит попу:—проведи-ка, отче, за меня антирелигиозное собрание, а я за тебя другой раз обедню отслужу.

Ответственные.

В Ново-Никольском районе местные ответственные работники приучили своих собак ходить в клуб. Собаки загаживают помещение и мешают посетителям клуба. **Заноза.**

Культура в Ново-Никольском районе процветает: собаки и те в клубную работу вовлечены. Что же касается загаживания, то предлагаем для собак отдельную уборную устроить. Уж ежели ответственные собаки настолько сознательны, что в клубную работу втянулись, то и к уборной их приучить можно.

Теплая компания.

Председатель общества слепых Ренский назначил заведующим артелью «Красный Пакетчик» сына бывш. лесоторговца Ларина и техническим секретарем сына полковника Барсова. Эта теплая компания делает все, что хочет. Если рабочие осмеливаются протестовать против их действий, их снимают с работы, или переводят в уезд. **Слепой Г.**

Как бы этой теплой компании жарко не стало.

Отчего рукав отвалился.

Рабочий А., взяв себе по рабкредиту материал, заказал костюм в артели «Об'единенный Труд» портных. Костюм оказался сшитым скверно, а на другой день отвалился рукав. **А—в.**

Вы знаете почему рукав отвалился?—отвалился он от ужаса, когда узнал, что липовые портные взяли за работу 25 руб.

Издатель—газета „Коммунар".

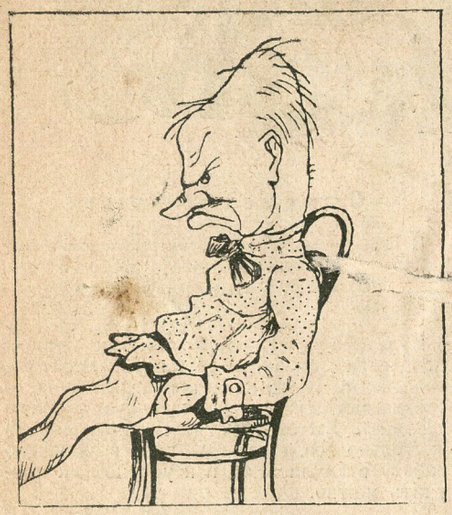
Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Адрес редакции: Тула, угол ул. Коммунаров и Менделеевской, д. № 2. Телефон 1-76.

Гублит № 71. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 277 Тираж — 2500 экз.

ПОХОЖДЕНИЯ ПОРШНЯ ТРУБОДЫМОВА.

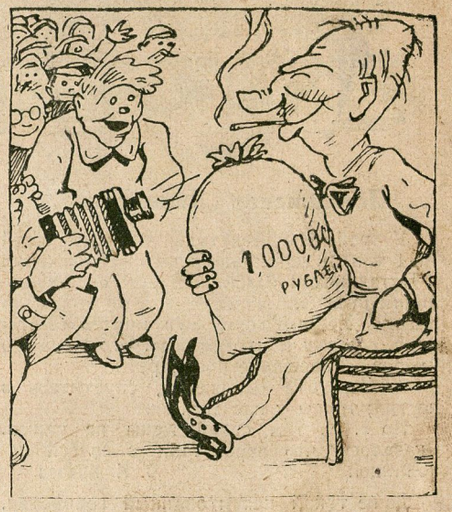
Рис. В. Сэпп, текст А. Лесного.

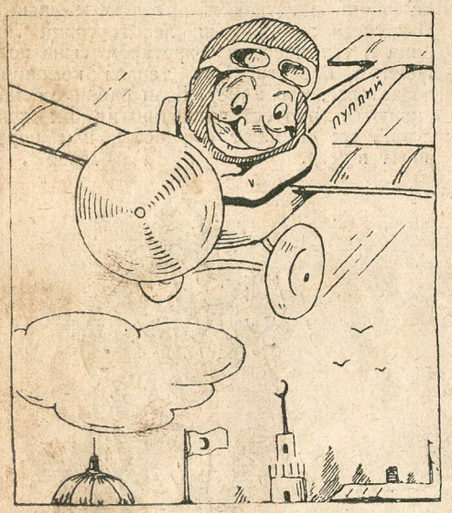
Душа геройская пуста,
В ушах и звон, и гул,
И Поршень наш, совсем устав,
Сел отдохнуть на стул.

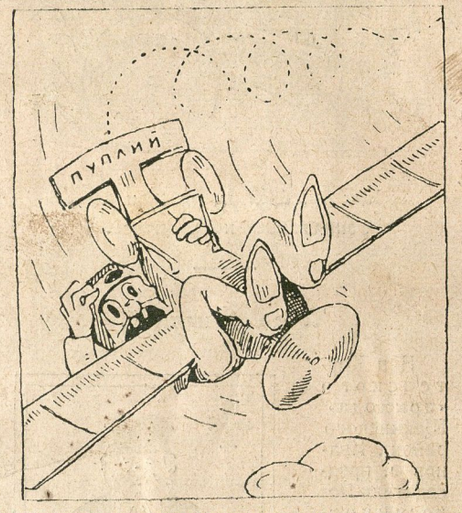
Его от джимми до манжет
Сковал коварный сон,
И снится: будто в тираже
Он выиграл милльон.

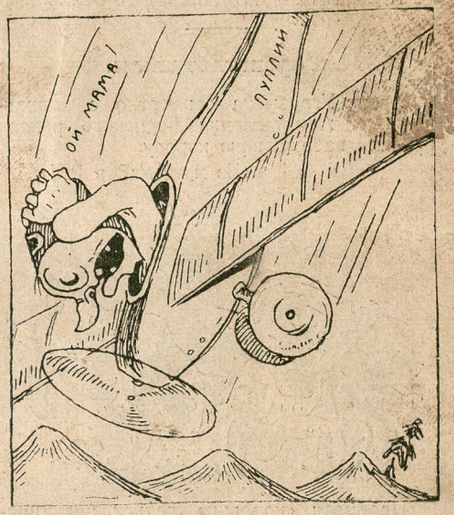
И рвутся петли со дверей,
Народа уйма в зале.
Кто голосит: Заснять скорей
Кто: Интервью нельзя-ли?..

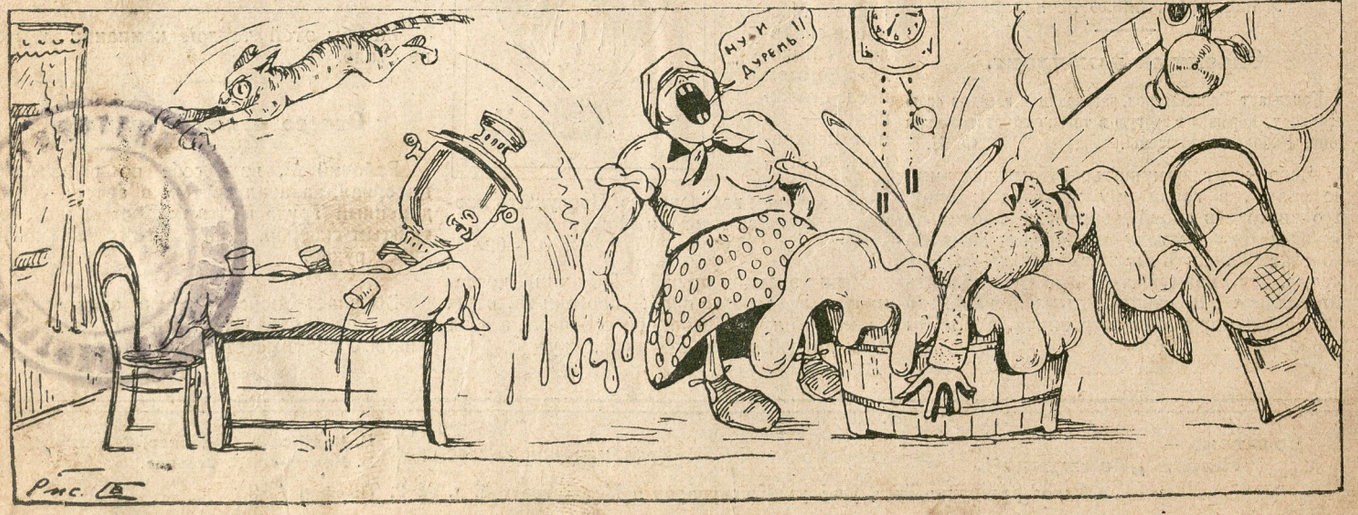
Вот в самолете наш герой
По облачным дорогам,
Вот он над крымскою горой,
Вот он над Таганрогом.

Одна беда... что наш герой
Боится очень смерти,
А самолет на зло стрелой,
Петлей смертельной вершит.

И вышло: бешеный полет
Не мог сдержать мотор,
И Поршень наш, и самолет
Летят на скалы гор.

Еще мгновенье, еще миг,
Наш Поршень ловким жестом

Из самолета этак прыг!
И что-ж?

В лоханку с тестом.

(Продолжение следует).